

УДК 34.04

М.А. Соснина

*Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ЛОКАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВООТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В контексте исследуемой темы регулирования деятельности волостных судов обосновывается тезис о том, что крестьянская община выступала как частная корпорация, обладающая мощным потенциалом самоорганизации и саморегулирования в виде обычного права. Правотворчество корпоративных образований (общин) через деятельность волостных судов рационализировалась путём придания реально сложившимся правилам, обыкновениям и обычаям публичного характера.

Сложный, комплексный, многоаспектный процесс под названием модернизация, инициируемый государством на протяжении трехсот лет, оказывает огромное воздействие на правовое регулирование в обществе. Более того, модернизацию необходимо рассматривать как двухсторонний процесс, включающий стандартизацию и унификацию, с одной стороны, с другой – усвоение и интерпретацию западных

ценностей. В связи с этим необходимо отметить и негативную сторону модернизационных процессов, а именно: при переносе западных правовых ценностей на российскую правовую систему правовые институты почти не адаптируются к условиям реципиента.

Именно поэтому в условиях модернизации правовой системы России возрастает острая необходимость обратить внимание на обычное право. Неотъемлемым элементом модернизации является опора на исторические корни, когда не только общественность, но и субъекты правотворчества и правоприменения должны ориентироваться на преемственность с прошлым. В этом смысле учёные говорят о теоретико-методологическом кризисе российской юриспруденции, доказательством которого является, по словам В.С. Синюкова, «глубокий раскол между позитивным правом и жизнью, обусловленный имеющейся тенденцией к чрезмерному правовому регулированию всех сфер общественной жизни. На этот путь формализации общественных отношений Россию поставила правовая реформа, которая реализуется без учета особенностей российского правового сознания» [1, с. 246].

Оценивая в общем процесс либеральной модернизации, необходимо констатировать тот факт, что роль права здесь сводится к минимуму. Поэтому правовые обычаи берут на себя функцию поддержки позитивного права, характеризующееся нестабильностью, неэффективностью и спонтанностью, связывая право с самой жизнью.

Ещё в эпоху Просвещения в русле развивающегося в науке естественно-правового правопонимания возникает авторитетное мнение французского писателя Ш. Монтескье о том, что «законы должны находиться в таком тесном соответствии со свойствами народа, для которого они установлены, что только в чрезвычайно редких случаях законы одного народа могут оказаться пригодными и для другого народа. ... Они должны соответствовать... степени свободы, допускаемой устройством государства, религии населения, его склонности, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям» [2, с. 9].

Игнорирование историко-правовых традиций (в т.ч. обычного права) во время проведения либеральных реформ приводит к утрате многих сущностных черт права. Этот факт можно рассматривать как одну из причин массового правового нигилизма и криминализации общества. В настоящее время, когда Россия вновь стоит перед необходимостью модернизации, особенно важно изучить процессы, связанные с влиянием права на традиционное российское общество второй половины XIX в.

В истории каждого государства есть ключевые для его дальнейшей судьбы события. Для России это серия либеральных реформ второй

половины XIX века, которые привели к «отчуждению власти от народа, государства от общества» [3, с. 58 – 67], что оказало влияние, в конечном счёте, на торможение модернизационных реформ, на которые возлагали большие надежды просвещённые слои российского общества. «Модернизация, в том числе и правовая модернизация, была отторгнута этим отчуждением широчайших социальных групп и от её целей, и от её средств» [4].

Решением вышеназванной проблемы видится децентрализация регулирования правоотношений. Сегодня в правовой науке всё чаще утверждается, что источником правовых норм является не только правотворческая деятельность государства, но и живое право, нормы которого рождаются в недрах народной жизни. Существование государственного регулирования – факт очевидный, но можно ли за иными, кроме государства, публичными образованиями признать правотворческий потенциал – проблема дискуссионная. Общество всегда обладало мощным потенциалом самоорганизации и саморегулирования. Наряду с идущим от государства законодательством всегда существовало локальное нормотворчество и корпоративное регулирование.

Актуальность темы правового регулирования обусловлена необходимостью поиска и нахождения таких его форм, которые были бы способны решать важнейшие вопросы современности. Явные противоречия между позитивным правом и реальными общественными отношениями, которые по сути своей совсем не требуют законодательного регулирования, явились причиной чётко выраженной тенденции локализации правового регулирования некоторых видов общественных отношений.

В контексте тематики правового регулирования актуализируется проблема категории «интересы в праве». М.В. Немытина справедливо считает, что «рассматривая право в качестве регулятивной системы общества, следует признать, что существующие в нём различные публичные образования (корпорации), а не только государство (впрочем, тоже корпорация), создают и транслируют в общество нормативные правовые системы и модели правового поведения, с помощью которых регулируются отношения многочисленных субъектов общественных отношений» [5, с. 13]. Важно определить круг корпоративных субъектов, а также прийти к балансу частных и публичных интересов субъектов правового общения. Для этого М.В. Немытина предлагает воспользоваться категорией "корпоративное", которую можно рассматривать как промежуточную между базовыми категориями «частное» и «публичное» и одновременно как

связывающую их. Таким образом, можно говорить о частных и публичных корпорациях. В связи с этим наряду с идущим от государства (как публичной корпорацией) законодательством существует локальное нормотворчество и корпоративное регулирование – от частной корпорации.

Разнообразные по своему характеру и содержанию корпоративные отношения не всегда всецело охватываются нормативным регулированием. Если учитывать весьма медленное развитие законодательства и быстрое развитие общественных отношений, необходимо рационализировать имеющуюся корпоративную практику, когда принципы саморегулирования должны заполнить нормативный вакуум.

Неслучайно, сравнивая корпоративное право и гражданское общество, В. В. Гуцин говорит о том, что гражданское общество связано с корпоративным правом: их интересует один и тот же субъект, интересы гражданского общества в первую очередь направлены на защиту интересов частных субъектов, в том числе граждан и организаций, интересы корпоративного права - на защиту интересов корпоративных субъектов [6, с. 83]. Согласимся с мнением данного автора и по вопросу структуры корпоративного права, которое он рассматривает в широком смысле, заключающемся в необходимости сочетания частноправового и государственно-правового регулирования [7, с. 72 – 73].

Если говорить о соотношении государственного регулирования и самоуправления, то развитие должно идти по пути увеличения децентрализованных норм, т.к. на государственном уровне сложно упорядочить всё многообразие корпоративных отношений. На уровне государственного регулирования следует обозначить общие принципы, которые будут определять рамки локального регулирования. В то же время при низкой эффективности государственного регулирования можно говорить о тенденции стихийной регуляции, когда на первое место выходят обычаи, традиции, групповая мораль.

Перспективы и возможности корпоративного регулирования, его правообразующие возможности целесообразно рассмотреть на примере функционирования обычного права во второй половине XIX начале XX вв. Россию данного периода отличала высокая степень признания и познания феномена обычного права, поскольку после отмены крепостного права большая часть гражданских дел решалась в волостных судах на основе норм обычного права. В контексте регулирования крестьянских правоотношений крестьянская община, выступавшая как частная корпорация, обладала мощным потенциалом самоорганизации и саморегулирования в виде обычного права. Т.е.

крестьянский мир явился связующим звеном между индивидом и государством, транслируя обычно-правовые нормы в общественную жизнь через деятельность волостных судов. Таким образом, правотворчество корпоративно-частных образований рационализировалась путём придания реально сложившимся правилам, обычкновениям и обычаям публичного характера.

Волостной суд появился в России ещё в ходе реформы государственной деревни П.Д. Киселёва 1837-1843-х гг. Согласно «Учреждения об управлении государственными имуществами в губерниях» от 30 апреля 1838 г. [8] они именовались волостными расправами. Крестьянская реформа 1861 г. [9] перенесла апробированную модель крестьянского самоуправления и на крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Законодательные нормы, регулировавшие деятельность волостного суда, были регламентированы в статьях с 93 по 110 Общего положения, позднее они конкретизировались разъяснениями Сената.

«Общее положение...» на нормативном уровне определило организационные начала деятельности волостных судов, в частности, статус волостных судей, подсудность гражданских дел и проступков, перечень наказаний, особенности судопроизводства, степень вмешательства в волостную юстицию со стороны волостной администрации, а также законодательное закрепление использования обычая как правовой основы решения волостных судов, предоставив последним широкие полномочия для правоприменения.

В «Общем положении...» содержится шесть статей, регламентирующих использование местных обычаев при решении дел в волостном суде, в частности, и в крестьянском сообществе, в общем (статьи 21, 38, 47, 93, 107, 130). Так, ст.17, 40, 46, 47, 71, 95 отражают процесс изоляции обычного права по причине сословной изоляции крестьянства, а также введения для них сословного суда. Статьи же 21 и 130 существование в крестьянской правовой системе двух пластов права – официального и обычного. Законодатель отсылал к нормам обычного права, когда речь шла о внутриобщинных имущественных отношениях, наследовании, опеке, семейных разделах (ст.21 и 38).

Отнеся значительную часть имущественных отношений крестьян к подсудности волостных судов, законодатель поставил большую часть населения вне сферы общегражданского законодательства, сохранив корпоративный характер обычного права и судов, его реализующих. В результате, как отмечал известный исследователь крестьянства Т. Шанин, абсолютное большинство населения страны «оказалось

выведено из-под юрисдикции государственного закона и перемещено под воздействие крестьянского (обычного) права» [10].

Правовые акты крестьянской реформы сохранили для бывших государственных крестьян, а для бывших помещичьих создали вновь, волостной суд, не только изменив принципы его формирования, но и предоставив личную свободу и гражданские права, тем самым открыв перспективу развития буржуазных отношений в деревне. В крестьянском обществе стали возникать отношения, которые уже не могли регулироваться нормами обычного права, но ещё не подпадали под действие Свода законов Российской Империи, который в рассматриваемый период считался устаревшим и требующим пересмотра. Именно поэтому коллизии между нормой закона и нормой обычного права неизбежно возникли, в значительной степени в практике волостного суда.

Таким образом, в результате государственно-правового регулирования деятельности волостных судов обычай, берущий своё начало в крестьянской общине, становится официальным источником права. Рационализированные силой государства обычаи стали составными частями обычного права, а значит и системой локального регулирования деятельности волостных судов.

Как справедливо отметил Б.Н. Миронов, крестьянская реформа превратила общину, некогда неформальную самодеятельную организацию, в институт государственного права, административную ячейку государственного управления [11, с. 463]. Признавая обычай, государство санкционировало сложившуюся в обществе модель поведения, способ решения конфликтов, который в наибольшей степени отвечал представлениям общества о справедливости. Таким образом, волостные суды – это не государственные, а общественные институты, источником которых были крестьянские общины, правопорядок которых основывался на обычае.

Судебные уставы 1864 г., а также последующие административно-судебные реформы 1889 и 1912 гг. оставили существовать волостную юстицию, нарушая при этом принцип всеобщности и равенства всех перед законом и судом. Однако волостные суды необходимы были государству в силу того, что они позволяли консервировать институт крестьянской общины. Оттягивая на себя огромную часть подсудности, вынося решения, в основном, руководствуясь обычаем, волостные суды способствовали сохранению зависимости крестьян от своей корпорации.

В сфере корпоративных отношений с целью защиты публичных интересов в целом государство осуществляло законодательную, административную и юрисдикционную функции, обеспечивая единство

регулируя фундаментальных правовых отношений. На государственном законодательном уровне получали свою регламентацию система и структура волостного судоустройства, фиксировался правовой статус суда и участников волостного судопроизводства и т.д.

Посредством же локального нормотворчества, т.е. обычных норм, реализовывались частные интересы крестьянской общины. Они дополняли и конкретизировали законодательство с учётом региональных особенностей, в ряде случаев восполняли пробелы в официальном законодательстве, регулировавшем крестьянские правоотношения. Санкционирование государством принципов и норм обычного права посредством волостной судебной практики, проверенной временем, по сути, должно было превратить их в "закон" в отношениях между подобными себе правовыми субъектами.

Такая концепция отношений между централизованным и децентрализованным (внутренним) правовым регулированием должна была определять все дальнейшее развитие практики обычного регулирования в крестьянской общине и норм российского гражданского права.

В условиях модернизации политико-правовой системы России, когда право меняет ту реальность, которую оно призвано отражать [12, с. 10], законодателю необходимо пересмотреть свое отношение к обычному праву. «При грамотном научном подходе практическое применение обычного права имеет широкие перспективы в плане восстановления связей между официальным правом и его общественными истоками. Практика же игнорирования историко-правовых и этнокультурных традиций (к которым в полной мере относится обычное право) приводит к утрате многих существенных и глубинных качеств права, составляющих его своеобразие, и нарушению преемственности в развитии национального права» [13, с. 3].

Анализ обычной правовой системы приводит к выводу о наличии в ней значительного потенциала правовой саморегуляции, который в условиях модернизации государственно-правовой системы необходимо использовать. Отличия правовой культуры и правосознания общества государства-реципиента от зарубежного опыта приводит, в конечном итоге, к его отставанию в развитии. Именно поэтому учёт правовых традиций (в т.ч. обычного права) в процессе модернизации нацеливает государство на поиск собственного пути развития правовой системы.

Список использованных источников

1 См.: Теория государства и права на рубеже веков: проблемы и перспективы // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 240 – 246.

2 Монтескье Ш. О духе законов. – Электронный ресурс. – Режим доступа: <http://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye.Odukhe.pdf>. (дата обращения 30. 10. 2016). – 274 с.

3 Зорькин Д.В. Освободительные реформы и правовая модернизация России: доклад на научно-практической конференции // Право и безопасность. Материалы конференции «Великие реформы и модернизация России. – СПб., 2011. http://dpr.ru/pravo/pravo_34_22.pdf (дата обращения 30.01.2016). – С. 58–67.

4 Там же.

5 Немытина М.В. Корпоративно-публичное регулирование как тенденция правового развития общества // Право и общество: эволюция во взаимодействии: Жидковские чтения: Материалы Международной научной конференции. Москва, 28 – 29 марта 2014 г. – М., 2015. – 552 с.

6 Гуцин В. В., Порошкина Ю. О., Сердюк Е. Б. Корпоративное право: Учебник. – М., 2006. – 458 с.

7 Там же.

8 Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 13. № 11189.

9 Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 2. Т. 36. № 36657.

10 Шанин Т. Русское крестьянское право и наследование имущества // Отечественные записки. – 2003. – № 2. URL:http://magazines.russ.ru/oz/2003/2/2003_2_28-pr.html (дата обращения: 29.02.2016).

11 Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVII–начало XX в.): в 2 т. Изд. 3-е., исп. и доп. – М., 2006. – Т. 1. – 548 с.

12 Шитаха И. Правовая реформа. Теория и практика: Учебное пособие. Пер. с англ. / Под ред. Н.Г. Дорониной. – М., 1998. – 129 с.

13 Шатковская Т.В. Обычное право российский крестьян второй половины XIX – начала XX века: историко-правовой аспект. Автореферат на соискание учёной степени доктора юридических наук. – Ростов-на-Дону, 2009. – 60 с.

In the context of the research topic regulation of the activities of the volost courts substantiates the thesis that the peasant community acted as a private Corporation, possessing powerful potential of self-organization and self-regulation in the form of customary law. Law-making corporate entities (communities) through the activities of

the volost courts were rationalizability by giving the actual prevailing rules, usages, and customs of a public character.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ